

К вопросу о военном значении Нерчинска как форпоста России на юге Дальнего Востока во второй половине XVII – начале XVIII веков

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является оценка военного значения Нерчинска в период с 1658 по 1727 гг. В ходе исследования были применены различные исторические методы: историко-нарративный, историко-генетический, статистический, проблемно-хронологический и метод исторической периодизации. В ходе работы автор рассматривает восприятие Нерчинска как военного форпоста со стороны центральной власти, а также формирование его гарнизона и снабжение вооружением и военными припасами в качестве маркера его военного значения. Впервые в историографии выделены три основных периода, в течение которых изменялось значение Нерчинска как военного центра. В конце 1650-х – начале 1670-х гг. он выступал преимущественно как пограничный форпост, основной целью которого был ясачный сбор. В начале 1670-х – 1689 г. являлся центром накопления и распределения вооруженных сил, отправлявшихся в Приамурье. В 1689–1727 гг. рассматривался правительством России как ключевой центр в обороне как Восточного Забайкалья, так и всего юга Дальнего Востока России.

Ключевые слова: *Нерчинск, казаки, Забайкалье, Даурия, Дальний Восток, Сибирь, история, XVII век*

Для цитирования: Багрин Е. А. К вопросу о военном значении Нерчинска как форпоста России на юге Дальнего Востока во второй половине XVII – начале XVIII веков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 43–53. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

The military significance of Nerchinsk as a Russian outpost in the south of the Far East in the second half of the XVII – early XVIII centuries

Egor Andreevich Bagrin,

B. N. Yeltsin Presidential Library, St. Petersburg, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to assess the military significance of Nerchinsk in the period from 1658 to 1727. During the study, various historical methods were used: historical-narrative, historical-genetic, statistical, chronological and the method of historical periodization. In the course of the study, the author examines the perception of Nerchinsk as a military outpost by the central government, as well as the formation of its garrison and the supply of weapons and military supplies as a marker of its military significance. For the first time in historiography, three main periods have been identified during which the significance of Nerchinsk as a military center changed. At the end of 1650s – early 1670s, it acted primarily as a border outpost, the main purpose of which was the collection of yasak. In the early 1670s – 1689, it was the center for the accumulation and distribution of armed forces sent to Amur region. In 1689–1727, it was considered by the Russian government as a key center in the defense of both Eastern Transbaikalia and the entire south of the Russian Far East.

Key words: *Nerchinsk, Cossacks, Transbaikalia, Dauria, Far East, Siberia, history, XVII century*

For citation: Bagrin E. A. The military significance of Nerchinsk as a Russian outpost in the south of the Far East in the second half of the XVII – early XVIII centuries // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 43–53. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/43-53>

Введение

Нерчинск как центр присоединения и освоения Восточного Забайкалья к России во второй половине XVII – начале XVIII вв. естественным образом находился и продолжает быть в сфере внимания исследователей, обращающихся к истории российского Дальнего Востока. Подробно исследованы история появления Нерчинска, его фортификация, гарнизон и др. Большое внимание уделяется заключению здесь первого русско-китайского договора о границе в 1689 г., а также периоду, когда город стал центром торговли с Китаем [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 17; 19; 20; 21; 23; 24; 27; 28].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство авторов обходят стороной вопрос, почему именно Нерчинск стал центром Восточного Забайкалья и чем был обусловлен выбор места для его основания. Возведение Нерчинска представлено в этих работах как акт, сам собой разумеющийся, без объяснения причин. Исключением является работа А. П. Васильева, предположившего, что место построения Нерчинского, Теленбинского и Иргенского

острогов "предполагались географическими условиями: кочевые инородцы, не пролагавшие дорог, жили в долинах рек. Для подчинения их надобно было возвести остроги в центре их путей. А путями то и были долины рек. Казаки располагались на среднем течении рек, преимущественно при впадении какого-нибудь притока, или между двумя речными системами, на волоке. Нерчинский острог был на среднем течении р. Шилки, с путями в 4 стороны: вниз по Шилке и вверх по Ингоде, Онону и Нерче". Благодаря чему казаки получали возможность господствовать "над путями и туземцами" значительной части Восточного Забайкалья [12, с. 115–116]. Васильев также обозначил значение Нерчинска для борьбы России за Приамурье: "Нерчинский острог сделан был главным. К нему приписан был весь Амур", "три города участвовали в разрешении амурского вопроса ... Якутск дал идею, а Енисейск – средства, Нерчинск же явился следствием этого вопроса ... центром, около которого накоплялись силы" [Там же, с. 101, 105].

В советской и современной историографии, как правило, значение Нерчинска как военно-административного центра характеризуется авторами только в самых общих чертах. Отмечаются его административные полномочия в управлении забайкальскими территориями и Приамурьем. Например, П. Т. Яковлева характеризовала его "административным центром всей русской Даурии"¹, т. е. всех земель, которые были присоединены и начали осваиваться русскими в Забайкалье и по Амуру", а также "основной базой русского влияния в Приамурье" [27, с. 16, 39]. В Истории Сибири под редакцией А. П. Окладникова и монографии В. А. Александрова отмечалось, что нерчинская крепость была частью сети укреплений, которые защищали Забайкалье от внешних набегов и содействовали хозяйственному освоению этого района русским населением [3, с. 19; 18, с. 53].

Так или иначе, Нерчинск представлен в историографии как военно-административный центр, который строился с прицелом на управление и оборону как Восточного Забайкалья, так и Приамурья. Не оспаривая это положение, в данной статье мы хотели бы показать, что значение Нерчинска как военно-оборонительного центра не было статичным, как это представляется в историографии вопроса, а существенным образом изменялось в течение первых 5-ти десятилетий его существования. Маркером этих изменений могут являться сведения, отражающие военный потенциал Нерчинска, который напрямую зависел от той роли, в системе организации обороны новых территорий за Уралом, которую ему определяло правительство. В исследование мы обращаемся к таким объективным показателям, как изменения численного состава нерчинского гарнизона, уровня его вооружения и снабжения. Основные результаты нашей работы разделены на 3 хронологических блока, каждый из которых состоит из 2-х разделов. Первый из них показывает восприятие Нерчинска со стороны власти в конкретный исторический период, а второй приводит данные об уровне его военного потенциала и их изменениях, которые подтверждают сформулированные нами выводы о его роли как военного центра.

Хронологические рамки исследования определяются спецификой основных этапов развития Нерчинска как ключевого военного центра России в Восточном Забайкалье. Нижней хронологической границей является 1658 год – время постройки Нерчинска, а верхней хронологической границей – 1727 год, когда появление в Забайкалье полка под командованием И. Д. Бухгольца стало поворотным моментом в истории военного устройства Восточной Сибири, ознаменовав переход от старых, традиционных форм организации войск к новой системе регулярной армии, принципы которой были заложены при Петре I.

В процессе научного анализа были задействованы специальные исторические методы. Благодаря историко-нарративному методу удалось представить обнаруженные в ходе изысканий факты в форме цельного повествования, выстроенного в четкой временной последовательности. При помощи проблемно-хронологического метода и метода исторической периодизации удалось определить ключевые периоды в трансформации военной роли Нерчинска

¹ Даурия – историко-географический регион, включавший в себя территорию Забайкалья, а также Верхнего и Среднего Приамурья.

период с 1658 по 1727 гг., освещены и раскрыты качественные изменения при переходе от одного этапа развития к другому. С использованием историко-генетического подхода удалось выявить причинно-следственные взаимосвязи и факторы влияния. Статистические методы анализа обеспечили возможность систематического сбора данных, отражающих количественный состав военных формирований, их вооружение и прочие параметры. Комплексное использование этих методов позволило систематизировать исторические факты и проследить качественные изменения в развитии военного значения города, а также установить факторы, влияющие на эти изменения.

Результаты работы

Военное значение Нерчинска в конце 1650-х – начале 1670-х гг.

Строительство Нерчинска как места управления Даурией не было изначально запланировано российским правительством. Этот факт хорошо известен, но обычно упускается исследователями из вида. Центром Даурии должна была стать крепость, построенная в Приамурье на месте городка даурского князя Албазы либо в другом подходящем месте неподалеку. К Забайкалью в Москве почти не было интереса. Именно Амур представлялся богатейшим местом с большими запасами пушнины, где местные жители имели серебряные и золотые изделия и дорогие ткани, привозимые из Китая. И самое важное – в Приамурье были пашенные угодья, пригодные для выращивания множества культур, что определяло возможность размещения здесь значительного военного контингента, который не надо было снабжать хлебом из центра России. Даурский воевода А. Ф. Пашков² со своим полком должен был идти в Приамурье на встречу с действовавшим там Амурским войском через Илимский уезд и Тугирский волок. На этом пути в узловых местах заранее готовились средства передвижения и продовольственные запасы для обеспечения питания сотен служилых людей [8].

Однако Пашков попытался пройти на Амур через Забайкалье путём, разведанным Петром Бекетовым, которого он посылал сюда, занимая должность енисейского воеводы. Зайдя с полком в Забайкалье в 1657 г., Пашков построил острог у оз. Иргень³. Вероятно, именно здесь он предполагал разместить забайкальскую "столицу". Острог в верховьях р. Шилки (позднее Нерчинский) был возведён в 1658 г. как промежуточный пункт на пути от Иргенского острога к Приамурью. Отсюда предполагалось отправить на верховья Амура заранее приготовленные брёвна и другую древесину для постройки там 8-башенной крепости, в которой и предстояло разместить даурский полк. Однако острый дефицит продовольствия и разгром Амурского войска маньчжурами в Приамурье внесли коррективы в эти планы. Пашков вынужден был остаться в Нерчинске, где от голода и вызванных им болезней умерла большая часть служилых людей. Перемещение в Приамурье и его контроль стали неосуществимой задачей. Вероятно, довольно быстро Пашкову стало очевидно, что для контроля над Восточным Забайкалем Нерчинск находится в более выгодном положении, чем Иргенский острог, таким образом, именно этот острог стал центром русского влияния в Даурии [9].

В то же время, *потеряв возможность закрепиться в Приамурье*, руководство России в значительной степени потеряло интерес к усилению своих позиций на юге Дальнего Востока и невнимательно отнеслось к роли Нерчинска и других крепостей, возведённых в Восточном Забайкалье. Этот факт подтверждается данными о средствах, направленных государством на военное развитие российских вооружённых сил в Забайкалье.

После отъезда Пашкова Нерчинским уездом руководил Л. Б. Толбузин⁴, прослуживший здесь 7 лет. Он сообщал в Сибирский приказ, что в Нерчинские и Албазинский остроги нужно 500 чел. и 20 пушек, т. к. "прилегли многие иноземные орды мугальские и братские и немирные тунгусы". Кроме того, он обращал внимание правительства на необходимость учреждения в

² Афонасий Филиппович Пашков – даурский воевода с 1655 по 1662 гг.

³ Остроги, построенные Бекетовым на оз. Иргень и р. Шилке до прихода Пашкова в Даурию, были сожжены тунгусами.

⁴ Ларион Борисович Толбузин – нерчинский приказчик с 1662 по 1669 гг.

Забайкалье конной службы: "а без конных казаков быть нельзя", "посылки все конные", а "водным путём" из-за мелких речек, "никаких посылок из нерчинских острогов нет" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 53, 56, 61)⁵. Такие же данные Сибирский приказ получил и от нового нерчинского приказчика Д. Д. Аршинского⁶, сменившего Толбузина (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 58–60). Однако только через 7 лет обращений в Москву под реальной угрозой ухода многих служилых людей из Нерчинска к октябрю 1669 г., все нерчинские казаки, получавшие пешие оклады, были переведены в более оплачиваемую конную службу, что упрочило их положение и стабилизировало гарнизон⁷.

Численность военного контингента в уезде не была увеличена до требуемых величин. Сибирский приказ пытался в этот период дважды перевести в Нерчинск годовальщиков из Тобольска, Енисейска и Илимска, однако из-за нехватки людей в этих крепостях эти пополнения прибыли не полностью и не покрывали потребность в людях. Пополнение гарнизона происходило преимущественно по инициативе нерчинских администраторов за счёт верстания "вольных охочих людей" из разных сибирских городов, согласных служить без жалованья, в ряде случаев, получавших при приеме на службу только коня. Таким образом, военный контингент Нерчинска постепенно увеличился с 46 служилых людей в 1663 г. до 154 казаков и 2 детей боярских в 1674 г. ко времени приезда нового нерчинского приказчика П. Я. Шульгина⁸. При нём численность гарнизона достигла 200 служилых людей. Далее она оставалась неизменной до 1689–1690 гг., несмотря на необходимость довести её до 500 чел. Отметим, что весь гарнизон в течение 1658–1664 и 1666–1671 гг. не получал денежные и хлебные оклады. Все эти факты убедительно показывают, что правительство не считало в этот период Нерчинск значимым военным центром (См., например: РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Реестр 1. № 1. Л. 111, 119 об.–120 об.; Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 58–60; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15; Д. 2. Л. 5–26, 54) [2, с. 16; 13, № 16. с. 86; 16, № 67. с. 229, 233, 235, 238; 22, с. 138, 142, 148; 23, с. 34].

Обеспечение продовольствием нерчинских служилых людей в 1660-е гг. было не налажено. Толбузин отмечал, что в подконтрольных России местах невозможно вырастить хлебные культуры: "от солнечного зною и от жаров хлеб выгорает, а дождей с весны не бывает". Сменивший его на посту нерчинского администратора Аршинский, писал, что казаки 10 лет служат без хлебного жалованья и вынуждены питаться мясом с кореньями в посты и в постные дни по средам и пятницам: "приели своих коней и стали пеши ... хотят разбрестись врознь и остроги покинуть". Толбузин предлагал снабжать Забайкалье хлебом через Братский и Иркутский остроги Енисейского уезда. Отталкиваясь от этих известий, Сибирский приказ приказал енисейскому воеводе послышать в Даурию хлеб по окладам, "не дожидаясь о том государева указу" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 53, 58–60, 63–64, 67–68).

Поставки вооружения и боеприпасов в Нерчинск из Москвы были минимальны. Артиллерийский парк не менялся 14 лет (с 1658 г. до 1672 г.) и включал в себя только 2 пушки, привезённые Пашковым (т. е. в 10 раз меньше, чем требовалось по мнению Толбузина) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 182; Стлб. 508. Л. 144в, 314–315). Запас ручного огнестрельного оружия и вовсе почти не пополнялся до 1680-х гг. Он включал в себя в основном мушкетеры, оставшиеся от умерших и погибших людей из даурского полка Пашкова. После более чем 20 лет использования это оружие было малопригодно для использования [16, № 67. с. 229–233, 237–240]. В первое десятилетие существования острога известно только об отправлении в Нерчинск 4000 пищальных кремней в 1664 г. и 20 пуд пороха и 5 пуд свинцу в 1668 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 64).

⁵ РГАДА – Российский государственный архив древних актов

⁶ Данил Данилович Аршинский – нерчинский приказчик с 1669 по 1673 гг.

⁷ Мы можем судить об этом по челобитным с просьбами приверстать в конную службу по Нерчинску (См., например, РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 9–10).

⁸ Павел Яковлевич Шульгин – нерчинский приказчик с 1673 по 1678 гг.

Таким образом, Москва около 20 лет почти полностью игнорировала какое-либо развитие Нерчинска как военного центра. В целом можно заметить, что с конца 1650-х до начала 1670-х гг. Нерчинск воспринимался Москвой как обычный пограничный центр ясачного сбора, находившийся в малоперспективном районе новоприобретенных территорий.

Военное значение Нерчинска в начале 1670-х – 1689 г. С начала 1670-х гг. ситуация с восприятием военной роли Нерчинска в Москве стала меняться в сторону большего внимания к усилению его обороноспособности. Причины для увеличения активности в плане усиления российских вооруженных сил в Восточном Забайкалье хорошо известны. Во-первых, это происходило на фоне постоянных известий из Даурии в Москву об угрозе нападения маньчжуров. Во-вторых, "на повестке дня" снова появился Амурский вопрос. В 1676 г. Албазинский острог, построенный на Амуре беглыми жителями Илимского уезда в 1665 / 1666 гг., официально перешёл в государственное управление. К этому моменту албазинцы контролировали значительную часть Приамурья и продолжали расширять свою зону влияния.

Следует отметить, что и центром управления Приамурьем Нерчинск в полной мере не стал. Албазинцы неохотно выполняли требования нерчинских управленцев, в некоторых случаях полностью саботируя их приказы. Наиболее характерным случаем является их отказ подчиниться сыну нерчинского воеводы Андрею Воейкову, едва не вылившийся в вооруженный конфликт между Нерчинском и Албазином (**Архив СПбИИ РАН. Колл. 18. Д. 24. Ст. 1–17**)⁹. В итоге Москва предпочла учредить отдельное Албазинское воеводство, начав спешно укреплять Албазинский острог. Именно здесь правительство России рассчитывало построить ключевой военный опорный пункт на юге Дальнего Востока, отправив в Албазин в 1684 г. полк Афанасия Бейтона, набранный в сибирских городах, который должен был увеличить албазинский гарнизон в 3 раза.

В дальнейшем и во время вооруженного конфликта с Китаем с 1685 г. вплоть до начала переговоров о границе в 1689 г. Нерчинск имел, прежде всего, значение военно-перевалочной базы, в которой накапливались силы для борьбы за Приамурье. Этой оценки Нерчинска придерживался и А. П. Васильев, однако он считал, что такое значение этот военный форпост имел на всем протяжении своего развития, что не согласуется с уже приведёнными нами данными [12, с. 101]. Большую роль в координации работы Нерчинска как "центра накопления сил" сыграл нерчинский воевода И. Е. Власов¹⁰. Этот период довольно подробно рассмотрен в исследовательской литературе, и мы не будем останавливаться на нём подробно, обратившись в первую очередь к оценке военного потенциала Нерчинска в этот период.

Формирование гарнизона и снабжение Нерчинска вооружением и военными припасами подчёркивало его военное значение. С 1672 по 1676 гг. в Нерчинск стала поступать артиллерия. Сюда были отправлены не менее чем 5 пушек и 1 затинная пицаль (**РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659 Л. 232; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3. Л. 16а; Д. 7. Л. 1**) [1, № 225. с. 482]. Москва также хотела направить в Даурию пушки из арсенала сибирских крепостей, но ближайšie к Нерчинску военные центры, а также Тобольск сообщали в Сибирский приказ о том, что не имеют возможности усилить нерчинские остроги артиллерией. В 1671–1676 гг. в Нерчинск были посланы несколько партий с боеприпасами и оружием, в т. ч. большие из Тобольска: 54 пуда пороха и 38 пудов свинца (1671 / 1672), 31 пуд пороха (1674 / 1675), а также 239 пицалей "московской присылки"¹¹ и по 40 пудов пороха и свинца (1675 / 1676). Количество посланного пороха превышало норму (30 пуд на 3 года), распределяемую в такой большой центр как Якутск (**Архив СПбИИ РАН. Ф. 96. Д. 14. Ст. 1; Д. 18. Ст. 1–3; Д. 19. Ст. 1**) [1, № 225. с. 481–482; 14, № 19. с. 129–130; 15, № 31. с. 95].

⁹ Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.

Ст. – состав (в Архиве СПбИИ РАН дело делится на сставы).

¹⁰ Иван Евстафьевич Власов – нерчинский воевода с 1684 по 1690 гг.

¹¹ Значительная часть из них была передана в Албазинский острог.

В течение 1680-х гг., к моменту открытого военного противостояния с Китаем в 1685 г., гарнизон Нерчинска не был увеличен. Отсутствуют сведения о значительной перестройке укреплений, возведённых Пашковым в 1658 г.¹² Казаки получили на руки достаточное количество "мелкого ружья", но запасы его в казне состояли в основном из непригодных к использованию мушкетов периода основания крепости. Артиллерия в Нерчинском уезде (совокупно около 10 орудий) кроме непосредственно самого уездного центра была только в Теленбинске (в разные периоды это затинная пищаль и 2 пушки малого калибра). Ещё несколько пушек и затинных пищалей было передано в Албазин (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 23. Л. 81–82). Постепенно к 1680–1681 гг. снабжение Нерчинского уезда хлебными припасами было налажено. Хлеб поступал из Енисейска в Иркутск и затем через Байкал в Удинск, где его и забирала нерчинцы [17, с. 122–132].

В целом мы видим, что, несмотря на многочисленные известия об угрозе нападения Китая, поступавшие в Сибирский приказ, темпы усиления Нерчинска нельзя назвать значимыми. Этот процесс происходил, но очень медленно. Например, нерчинский воевода Ф. Д. Воейков¹³ отмечал, что просил оружие в Москве и Енисейске в течение 3-х лет, но не получал не только оружия, но и письменного ответа по этому вопросу.

Таким образом, мы можем отметить, что Нерчинск стал восприниматься Москвой как база для присоединения Приамурья, но пока только как центр накопления и распределения сил, а не как самостоятельный мощный военный центр, предназначенный для обороны российского юга Дальнего Востока.

Военное значение Нерчинска в 1689 – начале 1700-х гг. Отношение к значению Нерчинска в системе обороны русских территорий на юге Дальнего Востока коренным образом изменилось после заключения Нерчинского договора 1689 г., в рамках которого устанавливалась первая русско-китайская граница. Приамурье снова было утрачено, а Албазин разрушен. Теперь именно Нерчинск рассматривался как форпост России на Дальнем Востоке, задачей которого стало первым принять на себя удар Китая в случае возобновления конфликта. По замыслу правительства, в случае опасности Нерчинску помощь должен был оказать Удинск. Здесь размещался полк стрельцов "годовальщиков" из сибирских городов (593 чел. в 1691 г.) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 168. Д. 21. Ст. 1; Д. 25. Ст. 8–19).¹⁴ Г. А. Леонтьева отметила, что "расположенный на перекрёстке водных путей, связывающих Иркутск, Селенгинск и Нерчинск, Удинск мог быть использован как стратегически важный пункт, сосредоточивающий крупные воинские силы, способные по первым тревожным сигналам оказать оперативную помощь в трёх направлениях: Иркутском, Селенгинском и Нерчинском" [23, с. 50–51]. Этот военный контингент мог прибыть в Восточное Забайкалье довольно быстро, в т. ч. потому что ему не нужно было везти с собой артиллерию, которая в значительном количестве уже была доставлена в Нерчинск. Свидетельством этих изменений служит увеличение государственных инвестиций, направленных на укрепление военного потенциала российских войск в Забайкалье.

Из-за отдалённости региона ресурсы, благодаря которым могло быть усилено Восточное Забайкалье, по-прежнему были существенно ограничены. Гарнизон Нерчинска был увеличен до 450–500 чел. в основном за счёт добавления к нему пеших казаков, в число которых первоначально вошли многие албазинцы и ратники полка Бейтона, а также новоприборные люди, приверженные главным образом в Иркутском уезде [7; 23]. Отметим, что числен-

¹² В начале 1682 г. нерчинские служилые люди сообщили Воейкову, что "Нерчинский острог мал и окол(о) де острогу никаких крепостей чесноку и надолбов нет". Воевода принял решение прибавить к острогу 40 сажень и сделать деревянной чеснок и надолбы. К строительству привлекались все нерчинские, теленбинские, еравинские, иргенские служилые люди и "всяких чинов русские люди". Каждый из них должен сдать по 4 гривны с человека. Приказ об этом был разослан по всем острогам. Но было ли осуществлено строительство автору неизвестно (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 24. Л. 8).

¹³ Фёдор Дементьевич Воейков – нерчинский воевода с 1681 по 1683 гг.

¹⁴ В тексте документа указано 596 чел., но при пересчёте имён в списке выявлено только 593 чел.

ность служилых людей стала соответствовать требованиям Толбузина, обозначенным ещё в 1660-х гг. При этом большая часть этого военного контингента располагалась в Нерчинске, а уездные крепости жаловались на недостаточную численность их гарнизонов (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 2–6). Крепость Нерчинска также значительно усилилась за счёт новых стен и 8-ми башен, надолбов и других средств фортификации (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 1об., 4 об.–6об.) [26, с. 12, 18].

Несмотря на то, что в результате реформ гарнизон Нерчинского уезда значительно возрос (до 551 человека к 1727 г.), вдвое превысив предыдущую численность, имеющихся военных сил всё равно было недостаточно для надёжной защиты Даурии от возможного нападения маньчжуров. Защитные сооружения Нерчинска представляли собой типичные для сибирских городов деревоземляные укрепления. История уже показала их ненадёжность: в 1685 г. аналогичные укрепления Албазина были разрушены китайской артиллерией буквально за сутки. Примечательно, что гарнизон Албазинской крепости тогда насчитывал примерно столько же воинов, сколько было всего военных в Нерчинском уезде к 1727 г. Во время напряжённых переговоров у Нерчинска в августе 1689 г., посол Ф. А. Головин был вынужден вывести свои войска за пределы крепости. Он не полагался на защитные стены города и рассчитывал противостоять "богдойцам" в открытом полевым сражении. Однако стоит отметить, что "посольское войско" было почти втрое многочисленнее военного контингента Нерчинска 1720-х годов, поэтому повторение подобной тактики в случае угрозы могло обернуться серьёзными рисками [5].

Благодаря поставкам вооружения во время конфликта с Китаем и перевозу оружейной казны из Албазина, арсенал Нерчинска стал одним из самых обеспеченных в Сибири. Нами изучены описи оружия, находившегося в арсеналах Нерчинска в 1699, 1701, 1704 и 1710 гг. В этот период в нём хранились от 31 до 33 пушек, по две мортиры и затинные пищали, до 3481 ядра и ручных гранат, от 223 до 235 пудов пороха, от 87 до 113 пудов свинца. Кроме того, от 823 до 892 ружей (включая неисправные) и 19 272–214 000 кремней к ним, а также от 584 до 593 бердышей, не считая другого холодного оружия (шпк, коший) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 356; Оп. 5. Д. 1977. Л. 4–5об.) [26, с. 12–13, 15–16, 18].

При этом происходило увеличение запасов огнестрельного оружия. "Порченые" ружья подлежали восстановлению. На новые ложи и починку самопалов из казны выделялись существенные ресурсы [26, с. 14]. В 1700–1701 гг. в Иркутск для отправки в даурские остроги прибыли из Тобольска бронные мастера: "ствольщик" (производное от ствола) Тимофей Иванов, "замошник" (работал с оружейными замками) Иван Осипов и "станошник" (делал пушечные станки и в т. ч. ружейные ложи) Гришка Васильев. Только за период с января по апрель 1701 г. Т. Иванову удалось починить в Нерчинске стволы и шурупы у 60 пищалей (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 23, 41–43, 51). Незначительное количество оружия было распределено и в уездные крепости. Здесь в 1704 г. самый сильный артиллерийский наряд в числе 3 пушек был в Аргунском пограничном остроге (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 5об.-6; Ф. 1142. Д. 56. Л. 70–72) [26, с. 18]. Таким образом, запасов оружия в Нерчинске было достаточно, чтобы дополнительно вооружить более 800 чел. и увеличить военный контингент, приблизительно до 1200–1300 чел.

Значительным событием стало сосредоточение внушительного артиллерийского арсенала в Нерчинске. К концу XVII века (1697 г.) этот город стал обладателем впечатляющего количества пушек – здесь находилось 17% от общего числа артиллерийских орудий (не считая затинных пищалей) всех крупных сибирских крепостей. По количеству артиллерийского вооружения Нерчинск превзошёл все пограничные города Сибири, включая Красноярск, Тару и Томск. По этому показателю он сравнялся лишь со столицей сибирского края – Тобольском, где насчитывалось 34 артиллерийских орудия. Особую ценность нерчинскому арсеналу придавало то, что большинство пушек были унифицированы – имели относительно одинаковые длину и калибр. Это объяснялось тем, что оружие поступило в город не постепенно, а крупными партиями, изготовленными в одно время несколькими мастерами (табл. 1).

Такое количество артиллерии, которой стал располагать Нерчинский уезд, было вполне достаточно как для обороны города, так и для полевых сра-

жений. Таким образом, правительство насытило регион пушками, ручным огнестрельным оружием и боеприпасами, но не решило вопроса расширения кадрового состава до величин, которые могли бы эффективно использовать этот арсенал.

Таким образом, ряд факторов создавал определённую систему защиты региона. Во-первых, имелись значительные военные запасы, которые при необходимости можно было использовать для вооружения гражданского насе-

Таблица 1. Артиллерия сибирских крепостей в 1697 г.

Table 1. Artillery of Siberian fortresses in 1697.

Крепости	Пушки ¹	Затинные пищали	Всего
Тобольск	54 ²	19 ³	73
Нерчинск	33	2	35
Красный Яр	17	8	25
Тара	7	10	17
Енисейск	8 ⁴	8	16
Тюмень	10	6	16
Кузнецк	13	3	16
Верхотурье	7 ⁵	5	12
Томск	10 ⁶	1	11
Березов	7	3	10
Пелым	3	4	7
Мангазея	3	4	7
Якутск	7	-	7
Удинск	7	-	7
Сургут	2	4	6
Туринск	1	4	5
Нарым	2	3	5
Кецкой	2	2	4
Иркутск	3 ⁷	-	3
Илимск	2	-	2

Примечание:

¹ В эту категорию отнесены медные и железные пушки и пищали, большая часть которых относилась к типу "полковые", а также орудия: "верховые" (мортиры), "скорострельные", "полоторные", "сороковые", "волконейки", "вестовые", "обозные" и др. Большая часть из них имела станки с колесами.

² 34 пушки в Тобольске и 20 в уездных крепостях.

³ Все располагались в уездных крепостях.

⁴ 4 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

⁵ 3 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

⁶ В т. ч. 3 "роздутых".

⁷ К 1699 г. количество орудий в Иркутске было резко увеличено до 21 пушки и 2 затинных пищалей.

Источник: составлено автором на основе данных [25].

Source: compiled by the author on the basis data [25].

ления Нерчинского уезда. Во-вторых, в регионе располагался внушительный арсенал артиллерийских орудий. В-третьих, были усилены фортификационные сооружения. Кроме того, существовала возможность оперативно получить подкрепление из Удинска. Эти меры значительно повышали устойчивость местной военной системы. При возникновении опасности в случае конфликта с Цинским Китаем у защитников появлялось больше шансов дожидаться подкрепления из Москвы, которое могло бы существенно усилить оборонительные позиции в Даурии. При этом помощь могла прийти относительно быстро т. к. не нужно было перевозить пушки ввиду их большого количества в местном арсенале. Данная модель обороны Восточного Забайкалья с ключевым опорным пунктом в Нерчинске оказалась вполне жизнеспособной. Она просуществовала вплоть до 1727 г., когда в Забайкалье пришёл полк армии И. Д. Бухгольца, и организация обороны Забайкалья претерпела коренные изменения в связи с размещением здесь частей регулярной армии, созданной Петром I в Европейской России в начале XVIII в.

Заключение

Подводя общий итог изложенному в исследовании материалу, отметим, что роль Нерчинска как военно-административного центра Восточного Забайкалья не была определена заранее и менялась в зависимости от политики государства, проводимой на юге Дальнего Востока.

Первый период, с конца 1650-х до начала 1670-х гг., – Нерчинск воспринимался Москвой преимущественно как пограничный центр ясачного сбора, находившийся в малоперспективном регионе. Затем, по мере разворачивавшейся борьбы за Приамурье, Нерчинск постепенно стал проявлять себя как центр накопления и распределения сил, отправлявшихся на Амур. Наиболее ярко эту роль он выполнил непосредственно перед началом и во время конфликта с Китаем. И, наконец, после заключения Нерчинского договора 1689 г. военный статус Нерчинска вырос до ключевого центра в обороне не только Восточного Забайкалья, но и всего юга Дальнего Востока России, форпоста основной задачей которого стало первым принимать на себя удар империи Цин в случае вооружённого конфликта.

Литература / References

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1842. Т. IV. 598 с.
Historical acts collected and published by the archeographic Commission. St. Petersburg: In the Printing House of the II Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 1842. Vol. IV. 598 p. (In Russ.)
2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.
Albazin voivodeship (collection of documents). Library of the Far Eastern Cossacks / Compiled by Trukhin V. I., Kryukov V. V. Khabarovsk, 2019. 628 p. (In Russ.)
3. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
Alexandrov V. A. Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1984. 272 p. (In Russ.)
4. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.
Artemyev A. R. Cities and prisons of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dalnauka, 1999. 336 p. (In Russ.)
5. Багрин Е. А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3(51). С. 49–60.
Bagrin E. A. Military aspects of Nerchinsk treaty conclusion in 1689 // Oriental Institute Journal. 2021. No. 3(51). P. 49–60. (In Russ.)
6. Багрин Е. А. Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу о кризисе системы обороны Восточного Забайкалья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 3(73). С. 14–33.
Bagrin E. A. Military forces of Nerchinsky district in 1660–1670s. Crisis of defense system of the Eastern Transbaikalye // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science. 2021. Vol. 7, No. 3(73). P. 14–33. (In Russ.)
7. Багрин Е. А. Гарнизон Нерчинска в конце 1689–1691 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Т. 7, № 4. С. 3–19.

- Bagrin E. A. Garrison of Nerchinsk at the end of 1689–1691 // *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science*. 2021. Vol. 7, No. 4. P. 3–19. (In Russ.)
8. Багрин Е. А., Трухин В. И. Полк Афанасия Пашкова в 1655 г.: состав, вопросы комплектования и обеспечения перед отправкой в Даурию из Енисейска (с именованным списком) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. Т. 19, № 1 (46). С. 91–114.
Bagrin E. A. Regiment of Afanasy Pashkov in 1655: composition and recruitment before expedition to Dauria from Yeniseisk (with list of names) // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023. Vol. 19, No. 1(46). P. 91–114. (In Russ.)
 9. Багрин Е. А., Трухин В. И. Афанасий Пашков и Даурский полк в Забайкалье (1657–1662) // *Известия лаборатории древних технологий*. 2023. Т. 19, № 3(48). С. 62–73.
Bagrin E. A., Trukhin V. I. Afanasy Pashkov and the Daurian regiment in Transbaikalia (1657–1662) // *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023. Vol. 19, No. 3(48). P. 62–73. (In Russ.)
 10. Бахрушин С. В. Научные труды. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Часть первая. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 3, 376 с.
Bakhrushin S. V. Scientific works. Selected works on the history of Siberia in the XVI–XVII cc. Part one. Questions of Russian colonization of Siberia in the XVI–XVII cc. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. Vol. 3, 376 p. (In Russ.)
 11. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII–середина XIX в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. 336 с.
Beprozhvannykh E. L. Amur region in the system of Russian Chinese relations: XVII–mid-XIX century. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1986. 336 p. (In Russ.)
 12. Васильев А. П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Типография Воскового Хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска. 1916. Т. 1, 232 с.
Vasiliev A. P. Trans-Baikal Cossacks. A historical sketch. Chita: Printing house of the Wax Economic Board of the Trans-Baikal Cossack Army. 1916. Vol. 1, 232 p. (In Russ.)
 13. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1857. Т. 6, 503 с.
Additions to historical Acts collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, No. 26, 1857. Vol. 6, 503 p. (In Russ.)
 14. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1859. Т. 7, 385 с.
Additions to historical Acts collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in the Officer's street, house No. 26. 1859. Vol. 7, 385 p. (In Russ.)
 15. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1862. Т. 8, 359 с.
Additions to historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, house No. 26, 1862. Vol. 8, 359 p. (In Russ.)
 16. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1867. Т. 10, 504 с.
Additions to historical Acts, collected and published by the Archeographic Commission. St. Petersburg: In the printing house of Eduard Prats, in Officer Street, house No. 26, 1867. Vol. 10, 504 p. (In Russ.)
 17. Зувев А. С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 122–132.
Zuev A. S. Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681 // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22, No. 1: History. P. 122–132. (In Russ.)
 18. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах) / гл. ред. А. П. Окладников. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России / Авт. В. А. Александров, В. Г. Мирзоев, В. И. Шунков и др. Л: Наука, 1968. 538 с.
History of Siberia with ancient time to our days (in 5 Tomah) / Ch. red. A. P. Okladnikov. T. 2: Siberia in sosava feudal Russia / Autor. V. A. Aleksandrov, V. G. Mirzoev, V. And. Shun and others. L: Science. Laningr. we, 1968. 538 p. (In Russ.)
 19. Константинова Н. Н. Рубеж полуденного края: формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII – начале XX веков. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 207 с.
Konstantinova N.N. The Frontier of the Midday Region: Formation and Protection of the Trans-Baikal Border in the Mid Mid-17th – Early 20th Centuries. Chita: Express Publishing House, 2014. 207 p. (In Russ.)
 20. Кочедамов В. И. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых. Издание в 4 тт. Т. IV. СПб: Сохраненная культура, 2020. 354 с.
Kochedamov V. I. Works on the history of urban planning with comments by modern scientists. The publication is in 4 volumes. Volume IV. St. Petersburg: Preserved Culture, 2020. 354 p. (In Russ.)
 21. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. Москва: Искусство, 1988. 190 с.
Kradin N. P. Russian wooden defense architecture. Moscow: Iskusstvo, 1988. 190 p. (In Russ.)
 22. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск. 2008. 378 с.

- Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernihiv: a documentary narrative. Irkutsk. 2008. 378 p. (In Russ.)
23. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. 321 с.
Leontieva G. A. Serving people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on the materials of Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2012. 321 p. (In Russ.)
24. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.
Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century – Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1987. 514 p. (In Russ.)
25. Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Исторический музей. 2015. 296 с.
Salary book of Siberia in 1697. Moscow: Historical Museum. 2015. 296 p. (In Russ.)
26. Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
Siberian cities: Materials for their history, XVII–XVIII centuries: Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk. Moscow: M. G. Volchaninov type, 1886. 146 p. (In Russ.)
27. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 235 с.
Yakovleva P. T. The first Russian Chinese treaty of 1689. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 235 p. (In Russ.)
28. Энциклопедии Забайкалья. Нерчинск / гл. ред. В. А. Дутов; отв. ред. Н. Н. Константинова, А. Ю. Литвинцев. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 6–17 // Альбомная серия "Энциклопедии Забайкалья" URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8772>
Encyclopedias of Transbaikalia. Nerchinsk / edited by V. A. Dutov; edited by N. N. Konstantinova and A. Yu. Litvintsev. Chita: Transbaikalian State University, 2013. P. 6–17 // Album series "Encyclopedias of Transbaikalia". URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8772> (In Russ.)

Информация об авторе

Егор Андреевич Багрин, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник научно-методического отдела Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Information about the author

Egor A. Bagrin, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.09.2024

Received 12.09.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2025

Approved 17.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Accepted 27.11.2025